

А.С. ПУШКИН И МИХАЙЛОВСКОЕ В КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ В.Я. КУРБАТОВА

Разумовская Аида Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, Псковский государственный университет, Россия, aida1@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7289-0629>

Аннотация. В статье впервые осмысляется восприятие А.С. Пушкина и оценка роли Михайловского в духовной жизни поэта известным литературным критиком В.Я. Курбатовым (1939–2021). Материалом для изучения являются статьи и заметки 1990–2010-х гг., собранные автором в книгу «Пушкин на каждый день» и заключающие в себе курбатовский миф о национальном поэте. Показано, что в эпоху кризиса самоидентификации национальная идея определяет интерпретационный ракурс критической рефлексии Курбатова. Пушкин, являясь для автора безусловным ценностным ориентиром, выступает мерилем цельности и полноты, как Михайловское мыслится местом открытия полноты русской жизни и одновременно укора современникам в раздвоенности и духовной «эмиграции». Специфичность позиции Курбатова обусловлена, с одной стороны, триединым религиозно-философско-литературным подходом критика к явлениям русской культуры, а с другой – его субъективным методом, личностным взглядом, поиском автоидентичности. Делается вывод, что статьи и заметки Курбатова на пушкинскую тему, написанные в русле философско-религиозных интерпретаций национального поэта в XIX–XX вв., отражают богатство и неповторимость творческой личности нашего современника, его этическую позицию и эстетические взгляды.

Ключевые слова: В.Я. Курбатов, литературная критика, А.С. Пушкин, мифологизация, Михайловское, Россия, современность, идентичность.

Для цитирования: Разумовская А.Г. А.С. Пушкин и Михайловское в критических статьях В.Я. Курбатова // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 83–90. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-83-90>

Research Article

A.S. PUSHKIN AND MIKHAILOVSKOYE IN CRITICAL ARTICLES BY V.YA. KURBATOV

Aida G. Razumovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Philology, Pskov State University, Pskov, Russia, aida1@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7289-0629>

Abstract. The article is the first registered attempt to comprehend the perception of A.S. Pushkin and the role of Mikhailovskoye in Pushkin's inner spiritual life by V.Ya. Kurbatov (1939–2021), the well-known literary critic. The material for research is the critic's articles and notes from the period of 1990–2010 collected in his book “Pushkin for Every Day” that make up his myth about the national poet. In this article the author demonstrates that it is the national idea that becomes the background for the interpretative angle of Kurbatov's critical reflection in the epoch of self-identification. Being the unconditional value reference point for the critic, Pushkin is perceived by him as the benchmark for integrity and completeness as well as Mikhailovskoye is seen as the place where the comprehensiveness of the Russian life can be found yet at the same time being the reproach to the contemporaries for their duality and spiritual “emigration”. The specifics of V.Ys. Kurbatov's position is conditioned by his triune religious, philosophic and literary approach to the phenomena of the Russian culture, on one hand, and by his subjective method together with his personal, individual view and his search for self-identity, on the other hand. In this article the author makes the conclusion that the articles and notes of V.Ya. Kurbatov about A.S. Pushkin written in line with the religious and philosophic interpretations of the national poet in XIX–XX centuries, reveal the deep and unique personality, ethical standpoint and aesthetic views of our famous contemporary.

Keywords: V.Ya. Kurbatov, literary criticism, A.S. Pushkin, mythologization, Mikhailovskoe, Russia, modernity, identity.

For citation: Razumovskaya A.G. A.S. Pushkin and Mikhailovskoye in critical articles by V.Ya. Kurbatov. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 83–90 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-83-90>

Литературный критик, литературовед, прозаик Валентин Яковлевич Курбатов (1939–2021) широко известен как автор книг о Викторе Астафьеве, Михаиле Пришвине, Александре Агине, Валентине Распутине, статей о Василии Шукшине, Юрии Куранове, Булате Окуджаве, Юрии Нагибине и многих других отечественных писателях. В его работах отражена судьба русской культуры и истории, русской словесности XIX–XX вв. Будучи постоянным членом жюри международной литературной премии «Ясная Поляна» (как и других российских премий), Курбатов был хорошо знаком с прозой и нашего, XXI в. Неравнодушный к творчеству псковских писателей-земляков, обеспокоенный, «чтобы жизнь не изошла в беспамятство» [Курбатов 2020: 6], он писал предисловия к книгам позабытых и даже неизвестных талантов, если они оказывались «зеркалом русского духа и быта» [Курбатов 2020: 8].

С горечью и болью Курбатов размышлял о том, как теряет современный человек свою самобытность: «Бежит русский человек врассыпную от себя, своей истории, своей великой культуры, на ходу клянясь ей в верности, с дежурной гордостью твердя о её всемирности, бойко вставляя её в телевизионные шоу, но не живя её духом, не слыша в себе сыновства и ответственности. И вся-то русская культура вот-вот станет только “памятник русской истории”» [Курбатов 2014: 35]. Желанием сберечь «чувство живой сродности, коренного единства, той старинной почвенности, которая прочнее всех умозрительных клятв» [Курбатов 2014: 35], продиктованы все его работы о русской культуре, которая была для Курбатова синонимом Родины. Вряд ли кто из современных критиков может сравниться с Курбатовым по глубине мыслить, умению чувствовать и понимать писателя, по выразительности и красочности родного языка.

Прожив на Псковской земле большую часть жизни (с 1962 года), Курбатов не мог обойти вниманием феномен А.С. Пушкина. И дело вовсе не в том, что отношение к Пушкину у него было «родственным», по-землячески притязательным, даже ревностным. Курбатовская обращенность к первому поэту как национальному символу закономерна. На протяжении многих лет думая о нем, критик объединил статьи на пушкинскую тему в книгу «Пушкин на каждый день» (2014), выдержавшую уже не одно издание. Сегодня мысли Курбатова по-прежнему звучат остро современно.

Курбатов предпринял неформальную попытку постижения тайны великого поэта, «тайны спокойствия, ясности и волшебной простоты» [Курбатов 2022: 384]. Его статьи – это беседа с Пушкиным, «сверстником и современником России во всякий её час. Ни одно его слово у него не вчера. <...> Любая строка с любого места – всё на улице, всё сейчас, всё

под окном, всё в сердце...» [Курбатов 2022: 385]. Это размышление о том, как воспринимает пушкинские стихи и прозу современный читатель, как живет слово поэта на театральной сцене и в сочинениях тех, кто пытался наследовать пушкинской музе. Но это и «автопортрет» Курбатова, к которому вполне приложимо цветаевское определение «мой Пушкин»: книга раскрывает идеи, владевшие самим автором и определявшие его внутренние искания, отражает его этическую позицию и эстетический вкус.

Статьи, создававшиеся в разные годы (главным образом в кризисные 1990–2010-е гг.), отличает особый ракурс интерпретации феномена Пушкина, который в понимании критика есть «явление небесной полноты» [Курбатов 2014: 178]. Характерно, что слова «небесный» и «полнота» постоянно звучат в работах не только о Пушкине, но и о той «чистой литературе», «светлой русской Атлантиде», в которой есть «ненаглядная полнота еще целостной жизни» [Курбатов 2014: 6], «когда мы еще стояли на земле и касались головой неба» [Курбатов 2014: 9]. Творя свой миф о Пушкине как воплощении небесной цельности, критик фокусирует внимание на мысли, что приобщение к Пушкину способно возратить нам «золотое единство» [Курбатов 2022: 385]. Она усилена тревогой Курбатова по поводу разъединенности современного общества, вместо понятия «народ» представляющего из себя разрозненных индивидуумов.

Многokrатно бывая и проживая в Пушкиногорье, критик немало страниц посвятил Михайловскому. Значению Михайловского в жизни и творчестве А.С. Пушкина, истории усадьбы и заповедника посвящены многие очерковые и научные труды, например: [Гордин; Будылин 1996; Гейченко; Русская усадьба; Сергеева-Клятиц]. Как известно, «обитель дальняя трудов и чистых нег», пушкинский «деревенский кабинет» – мифологизирован в художественной литературе [Русская усадьба: 149–171]. Русские поэты и прозаики неоднократно обращались к теме Михайловской ссылки Пушкина, пытаясь разгадать тайну обретения поэтом высшей, творческой свободы в условиях несвободы физической. Чаще всего авторы писали и пишут о гармоничном слиянии души поэта с миром, отмечая переживание михайловских пейзажей как толчок к рождению поэтических образов. В то же время литература не обходила вниманием горькую участь изгнанника, томящегося в деревне неволей и одиночеством, оторванностью от привычного мира.

Взгляд Курбатова, создающего образ «своего» Пушкина, обращен к другому. Годы михайловского заточения важны для него духовным прозрением поэта. В заметках 1999 г. на полях стихов, написанных в Михайловском, не претендуя на их новое прочтение, не стремясь к литературоведческим от-

крытиям, критик настраивает душу и зрение на Пушкина, проникается его состоянием, слушает пушкинское сердце, раскрывает опыт своего сопереживания поэту. Так, из двух «михайловских» стихотворений 1819 г. Курбатов обращается не к знаменитой «Деревне», а к «Домовому», ценя в нем выражение нежного объятия и поручение автора «хранить», «ходить дозором», «любить» [Курбатов 2014: 87] оставленную обитель. «Разговор книгопродавца с поэтом» он рассматривает как одно из первых стихотворений на болезненную тему зависимости литератора от «товарных» отношений и замечает: «Наш век торгаш, наш век железный» стучится в ветхую калитку михайловского «замка», чтобы с той поры уже не ослаблять хватки» [Курбатов 2014: 90]. Критик не демонстрирует профессиональные умения читать художественные произведения, а самовыражается, пропуская строки Пушкина через собственное восприятие. В стихотворении «К Зине» всей душой разделяет «поражающее, спасительное, утешающее наше сердце – “что пройдет, то будет мило”», «настоящее чудо вдохновения и Божьей милости» [Курбатов 2014: 92]. По поводу послания «П.А. Осиповой» высказывает неожиданную догадку о значении михайловской ссылки: «...не изгнание это, а – может быть, впервые за беспокойную жизнь – счастливое обретение дома, зов родимой, навсегда поселяющейся в сердце земли» [Курбатов 2014: 94]. Курбатов замечает, как крепко Пушкин держится за родное: «У него уж сердце-то каждой кровинкой здесь – не заметил, как прирос» [Курбатов 2014: 93]. Вживаясь во внутренний мир поэта, предполагает, почему последняя строка стихотворения «Няне» «То чудится тебе...» остается недописанной: «...он любящим сердцем понял, что няня побойтись додумать мрачные мысли, чтобы не искутить судьбу», потому «лучше оставить перо и вздохнуть и улыбнуться с любовью» [Курбатов 2014: 95]. Наконец, в «Пророке» слышит настоящее сердце Пушкина, которое «впервые явило могущественную формулу русской поэзии: не обольщаться исторической минутой и “заботами суетного света”, а слушать мерный шаг Истины, голос Бога, возвращающий нелюдному и нелукавому слову первоначальную творящую жизнь, обнимающую и “неба содроганье”, и неслышный рост “дольней лозы”» [Курбатов 2014: 97–98]. В композиции заметок сказывается процесс духовного восхождения Пушкина от вопросов житейских к осознанию своей миссии Поэта, сказывается и движение мысли Курбатова, разделяющего триединый религиозно-философско-литературный подход к явлениям русской культуры [Гидиринский]. «Вычитывая» в произведениях Пушкина актуальные для себя ценностные смыслы, критик обнаруживает приверженность к субъективному методу, в основе которого лежит поиск автоидентичности. Согласно

современному научному подходу, В.Я. Курбатов может быть назван «я-центричным» критиком, для которого определяющим является ракурс собственного видения [Говорухина: 11]. Критическая рефлексия Курбатова ориентирована на восстановление национальной нормы, которая в первую очередь ассоциируется с именем Пушкина.

В восприятии Курбатовым «михайловского заточника» отражен возврат культурного сознания конца XX в. к пониманию православной укорененности Пушкина, получивший осмысление в русской философии XIX–XX вв. (в работах И. Ильина, В. Соловьева, С. Франка, С. Булгакова, А. Карташева), в том числе в пушкинистике [Непомнящий]. В полном согласии с таким подходом критик называет Пушкина «мерной иконой России» [Курбатов 2014: 12], «светским Священным Писанием, собирающим русскую душу» [Курбатов 2014: 23–24], «формулой русского христианского сердца» [Курбатов 2022: 386]. Именно пребывание в псковской деревне, убежден Курбатов, стало условием духовного преображения Пушкина: «Михайловское было суждено ему, написано на роду. Сердце было готово давно, ум глубок и ясен, и не хватало только этой неволи, тесноты, монастырской мерности и заточения, чтобы все собралось разом общими усилиями созревшей души, михайловской природы, русской истории и православной церкви. <...> Здесь он по-настоящему приник к России и проникся ею, здесь научился видеть чистым сердцем, здесь вполне уразумел, что свобода – это духовная верность воле Божьей, здесь первым <...> увидел, что в предстоянии Богу можно быть не только на путях бытового, исторического и даже мистического православия, а и в служении Поэта» [Курбатов 2014: 27]. Создавая свою версию михайловского пребывания, главное внимание критик сосредоточил на духовном перевороте Пушкина, связанном не с овладением, как принято считать, «поэтической стихией народности» [Маймин: 102], а с обретением пути к Богу. Но в своих религиозно-метафизических, отмеченных широкой эрудицией, рассуждениях Курбатов не теряет из виду важность открытия Пушкиным русской природы как воплощения России. Поэтому в статье органично входят живые и осязаемые картины заповедной михайловской земли.

«Святые михайловские рощи» завораживают Курбатова простотой и покоем родных пейзажей: «День такой тихий, что этой тишиной заражается снег и идет реденько и стеснительно, стараясь не попадаться на глаза. Сад Михайловского пуст и как-то равнодушно скучен – перемогается до весны. Седая прошлогодняя трава утомлена, бессильна и не смягчает неровного шага по изыбшей, окаменевшей земле, застывшей на бегу, как взморщенное море. <...> Ни души. Только за разливом Сороти, на озере Куча-

не, в его еще не вскрывшейся части, черными точками сидят рыбаки, и полоса льда похожа на неровно оторванный лист, засиженный мухами» [Курбатов 2014: 123]. Читатель не может не заметить и проницательность зрения, и чуткость слуха автора, который к тому же предстает в своих рассказах тонким стилистом, умеющим найти верное слово. Возникает ощущение соприродности критической деятельности Курбатова художественному творчеству.

Как уже отмечалось, Курбатов пропускает пушкинский материал через собственное творческое сознание. «Опыт сопереживания» Михайловского лежит в основе очерка «Времена года». Оттолкнувшись от пушкинских строк «Люби зеленый скат холмов, / Луга, измятые моей бродящей ленью...», автор совершает прогулки по уголкам усадьбы, запасаает «малые малости» михайловских живописных пейзажей, «чтобы потом при усталости подкреплять сердце» [Курбатов 2014: 220]. Он схватывает все: и как «вскрикивает снег», как «остро морозны и чисты до скрипа» звезды [Курбатов 2014: 221] в Крещенский сочельник; и как в Вербное воскресенье «золотые сосны радовались закату», а «только опушившиеся березы, напротив, были недовольны, потому что их юная зелень в закатном свете отдавала ржавчиной» [Курбатов 2014: 222]; и как после сверкающего, солнечного июльского дождя «вдруг радуга в два пролета из Маленца в Кучане, и медленный зимаревский аист летит сквозь нее и окрашивается во все ее нежные, ускользающие цвета» [Курбатов 2014: 224]; и как «крошечный березовый листок – последний – медленно, нехотя, ухватываясь за каждую ветку, соскальзывает на белеющую дорогу» [Курбатов 2014: 229]. Михайловское позволяет повествователю прикоснуться к тайнам мира, отчего он говорит вполголоса, словно боясь спугнуть тишину. Курбатов с восторгом пишет о чуде каждого природного проявления не только в прозаических зарисовках, но и в стихах: «Смотри: это яблоня! Это скворец! / А ты их увидел как будто впервые. / Тебе, для тебя и с тобою Творец. / Все живо вокруг, да вот мы неживые» [Курбатов 2014: 475]. Ежечасно он открывает здесь красоту мира и испытывает сладостную муку от понимания его совершенства: «Отчего же, Боже правый / (Я живу здесь тыщу лет), / Так мне новы эти травы, / Этой яблони привет? // Этот ветер, это небо, / Этой ласточки полет... / Знание, ум, привычка, где вы? / Кто меня обережет // От пронзительной печали, / От любви и матерей? / Жизнь к концу, а я в начале / Перед мукой красоты» [Курбатов 2014: 229]. Отклики Курбатова всегда лиричны и философичны одновременно. Недаром Курбатов не остался равнодушен к примерам подобного уважительно-восторженного отношения к природе у М.М. Пришвина, посвятив ему свою прониковенную книгу.

Посетители «пушкинского уголка», как правило, испытывают сильное воздействие его нерукотворной природы. Еще тонкий ценитель русского пейзажа К.Г. Паустовский в 1930-е гг. признавался: «Я изъездил почти всю страну, видел много мест, удивительных и сжимающих сердце, но ни одно из них не обладало такой внезапной лирической силой, как Михайловское. Там было пустынно и тихо. В вышине шли облака. Под ними, по зеленым холмам, по озерам, по дорожкам столетнего парка, проходили тени. Только гудение пчел нарушало безмолвие» [Паустовский: 161–162]. Леса, озера, небо, парк, уцелевшие здесь от пушкинских времен, – все вместе они рождали в его сознании поэтический образ Отечества. Эту мысль продолжал в своей завораживающей лирической прозе 1970-х гг. Ю.Н. Куранов, благоговевший перед заповедной пушкинской землей, где «все приобретает значение и смысл. Все оживает, и все становится важным, все становится ощутимым» [Куранов: 119]: и витязь на распутье, и пирующие в корчме монахи, и летописец, и няня со своей лучиной. Потому камертоном у писателя звучат слова: «Что за горькая несуразность – уезжать из этой страны, где <...> думается, дышится и чувствуется так легко. И где необыкновенные холмы превращаются в горы» [Куранов: 122]. Наш современник Б.Н. Сергуненков также отправляется в Михайловское «накормить оголодавшие глаза и уши дивными твореньями природы» [Сергуненков: 40]. Видеть «эти немеркнущие небеса, эти сияющие поля и леса, эти блистающие доли и воды» [Сергуненков: 64], считает автор, значит прикоснуться к тайне гения Пушкина как к отражению тайны самого бытия: «И чем чаще я с ним встречаюсь, чем больше в него вглядываюсь, тем больше в этой тайне нахожусь. Вроде бы все о нем знаешь, а на самом деле он для тебя тайна, как бог, как лист травы» [Сергуненков: 47]. Подобные восприятия пушкинской «обители» рифмуются с курбатовским взглядом: «Приедете в Михайловское – увидите Пушкина: эти поля, небеса, свет, простор, поднебесный полет и невольное счастье» [Курбатов 2014: 66].

Создавая свое «похвальное слово Михайловскому» [Курбатов 2014: 32], критик приходит к неожиданным духовным прозрениям: «главный насельник этих мест» [Курбатов 2014: 211] узнается «из самого порядка жизни, из самой природы существования» [Курбатов 2014: 41]. «Пушкин всегда тут как тут и всегда под стать погоде – ликующий, одинокий, усталый, даже злой, но всегда весь как есть...», «...для всех свой и всем по полному их разумению» [Курбатов 2014: 42]. Но знакомый и привычный мир рядом с Пушкиным, в незримом соприсутствии *genio loci* этого места, оборачивается чудом узнавания себя, считает автор.

Курбатов живо и осязаемо рисует заповедный уголок, который полнится жизнью: «Михайловское плывет в беспокойных просторах русского океана, как оторвавшаяся страна, как чудный остров – “а живет там князь Гвидон”. Но только мы все мимо, “мимо острова Буяна”... А там все ждет нас ослепительный день с сияющей Соротью, лепетом берез, недвижимыми стадами по берегам и сеном, в которое только упасть и задохнуться от блаженства и зноя, и с долгим медленным вечером, когда небо стихает, наливается золотом, тускнеет и меркнет в водах озер и прудов, а потом тихо, таинственно, словно простираемое Божьей рукой, взглядывает на землю звездами, несчетными, как лежащий в траве такой же тихий и таинственный мир светляков» [Курбатов 2014: 37]. Автор в подробностях раскрывает бесконечность и таинственность мира, где все свершается по высшим законам. И, словно продиктованная свыше, рождается в этом месте поэзия: «...стихотворение кажется не написанным, а взятым из природы готовым, как куст или облако» [Курбатов 2014: 44]. Поэзией пропитан сам воздух Михайловского: «Повседневные слова оставляют тебя, и ты твердишь только “но ближе к милому пределу”, и “цветы последние милей”, и “гляжу ль на дуб уединенный”, и “вновь я посетил” – и опять впервые слышишь их небывалую, будто впервые осознанную полноту и слитность с каждым кустом и облаком, каждой травой и птицей» [Курбатов 2014: 37]. «Полнота» как главная курбатовская характеристика Пушкина и русской нации присутствует в статьях критика постоянно. И, как нетрудно догадаться, в глазах Курбатова она связана именно с Михайловским – потому что «*весь* Пушкин острее всего чувствуется здесь, словно в Михайловском хранится его “формула”, его тайный закон, словно в других местах только “периоды” его жизни и творчества, а тут – его небесный замысел, его Божья тайна» (курсив автора. – А. Р.) [Курбатов 2014: 42]. Познавательная установка критика определена предельно ясно: на Михайловской земле для Пушкина «“кончилась литература” и началась жизнь. Здесь выросла его целостность и русская культура заговорила его речью и исполнилась его свободой, его тоской, его любовью, его классическим русским дуализмом – связанности и простора, желанием вырваться и благословением всякого дня. Не зря он торопился сюда вновь и вновь пережить эту слепящую полноту» [Курбатов 2014: 43]. По контрасту с Михайловским не раз в заметках критика возникает Ясная Поляна (которую Курбатов много лет также знал не понаслышке). В дневниковой записи 19 сентября 2011 г. читаем: «...живи Толстой в этих пространствах, он не сузил бы мысль до переделки Евангелия. Ясная слишком замкнута, стеснена. И Калинов луг – вон где, а перед глазами парк и хозяй-

ство. И они, эти парк и хозяйство, не пускают зрение вдаль. А Пушкин выглянул в окно – Россия: Сороть, Дедовцы, Зимари, поля, стада, облака. Сошли его в Болдино – и не было бы нашего Пушкина, и был бы Баратынский с Языковым. Михайловское и Ясная – как воля и крепость. Как Эх! и Ох! Как песня и проза, как страницы русской литературы – весь ее горизонт. Почему “сад гениев” без Пушкина и не полон» [Курбатов 2022: 370]. Подобный субъективный взгляд автора демонстрирует процесс интерпретации как акт самопонимания и творчества одновременно.

Причем критик убежден в спасительности Михайловского рая не только для хозяина, но и для паломника. Об этом писали и до Курбатова. К примеру, С.С. Гейченко, неустанно наблюдавший за изменениями в природе, отмечал: «Каждый день деревья, кусты и поляны Михайловского проявляют свой характер по-новому. Каждое утро хранитель этой великолепной галереи заменяет одну из старых картин какой-нибудь новой и как бы говорит нам: “Всё это видел Пушкин. Посмотрите и вы. Станете лучше”» [Гейченко: 12]. В согласии с ним Куранов, размышляя здесь о красоте и силе родной земли, также добавлял: «А сами вы не замечаете, как становитесь чище, проще, возвышенной» [Куранов: 136]. Курбатов развил мысль дальше, говоря, что посетитель здесь, как по волшебству, обретает потерянную цельность и целостность: «...мы и сами на минуту “срастаемся”, как после живой воды, и вспоминаем что-то навсегда утраченное, райское» [Курбатов 2014: 45], «...исцеляемся Пушкиным от своей расхищенной временем дробности» [Курбатов 2014: 182]. Потому, «находя все нового Пушкина, будешь находить все нового себя, возвращаться в свое утраченное, но все как будто ожидающее тебя, как блудного сына, райское целое, не ведающего древа познания добра и зла, а только древо жизни и жизни» [Курбатов 2014: 45].

Пушкинский «милый предел» в сознании Курбатова и есть символ России – самодостаточный мир, где в неспешных прогулках осознается, что Родина «все ждет нас и все светит ненаглядной красотой, дожидаясь нашего возвращения из всеобщей эмиграции» [Курбатов 2014: 128]. Критику свойственно пронзительно тонкое чувство любви к родной земле. За его размышлениями кроется тоска по уходящей (ушедшей) России, слышится нота прощания с XX столетием.

Однако Михайловское видится Курбатову и пространством игры. Музей, созданный легендарным директором С.С. Гейченко «“из ничего”. Из облаков, леса, камней и реки» [Будылин 2015: 31], он считает великим сочинением, холстом, симфонической поэмой, высоким театром [Курбатов 2014: 104]. Для него был неприемлем довластовский ироничный образ заповедника как «грандиозного парка культуры и отды-

ха», где экскурсоводы-«затейники» помогают «трудящимся культурно отдыхать» [Довлатов: 377, 378]. Правда, позднее перечитывая «Заповедник», Курбатов признался: «...читаю с нежностью и печалью. Все прежние досады ушли», «увиделось, что и все-то мы “Заповедник” каких-то доживаемых чувств», «это и написано блестяще», «а уж живая речь <...> как-то почти ослепляюще жива» [Курбатов 2022: 377, 378]. Сбереженное Михайловское, по его убеждению, возвращает нам не только мир Пушкина, но и нас себе.

От пушкинского мифа Курбатова неотделим и гейченковский миф. Критик подчеркивает, что художническая натура Гейченко сотворила человечески подлинный мемориальный музей, в котором сохраняется живородная связь с минувшим: «Михайловское было домом Пушкина именно потому, что оно было домом и Гейченко, своим домом, жильем, а не мемориалом, и хранитель был не слугой, а товарищем поэта, его “домовым”, ангелом-хранителем» [Курбатов 2013: 12–13]. Он замечает, что отношение к Пушкину здесь домашнее, не отстраненно официальное и не возторженно-благоговейное, а любящее и понимающее: «...его принимали тут не как “ваше превосходительство”, не как “национального гения” и “славу России”, а как своего доброго хозяина и собеседника, который поехал по России, помучался при дворе, поревновал и пострелялся, а теперь мог и отдохнуть в родовом гнезде, собрать душу под заботливым взглядом своего старого, угадывающего всякое желание с полуслова “управляющего”» [Курбатов 2013: 13]. Не раз звучит у Курбатова мысль о редком согласии хозяина и «домового» [Курбатов 2013: 13], ценивших «воздух игры» [Курбатов 2014: 188]. Их общий дар перевоплощения проявлялся в веселых импровизациях, переодеваниях, сочинениях. Критик вспоминает известные Вульфам ребячливость, озорство, беспечную игру Пушкина: «В чем он являлся в Тригорское, чтобы прыгать в окно (и ведь, как вспоминала Мария Ивановна Осипова, во все окна перелазил, чтобы сразу весь дом вверх дном)? Или в невыслышанной шляпе на вороном аргамаке, или в той же красной рубахе на нарочито низкой крестьянской кляче, чтобы ноги чуть не по земле волочились. И раз даже, говорят, явился монахом. А где было взять подрясник? Не шить же специально. Поди, у попа Шкоды и одолжил, который не за такое же ли озорство и потерял роскошную фамилию Илларион Раевский, чтобы остаться в михайловской памяти Шкодой» [Курбатов 2014: 187]. Опираясь на живые свидетельства соседей поэта и собственный опыт общения с создателем заповедника, Курбатов рисует образы «своего» Пушкина и «своего» Гейченко.

«Пушкинская закваска», по мнению критика, проявлялась у легендарного директора в невинных проделках и искрометных театрализациях. Блестящий

и остроумный рассказчик, Курбатов уверен, что пушкинская улыбчивая муза по-прежнему обитает в Михайловском, которое до сих пор рождает ощущение свободы и полет импровизации. Потому заяц, перебежавший в 1825 г. дорогу Пушкину, «с легкой руки Андрея Битова, был чествован здесь памятником с возложением капустной и морковной жертвы, с чтением гекзаметров, сочиненных по случаю торжества новым директором Георгием Николаевичем Василевичем:

Заяц, в историю глазом кося,

Здесь дорогу поэта пресек в Санкт-Петербург –

К мятежу, к многоснежной Сибири...

И когда псковский художник Александр Стройло в своих михайловских открытках усаживает на усадьбе этих заботливых зайцев и пишет “Ждут!” – это улыбка и игра» [Курбатов 2014: 194–195]. Так длится во времени жизнь живой усадьбы – констатирует автор.

Игровая стихия Михайловского вдохновляет и театральное сообщество, собирающееся на Псковской земле с 1994 г. во время Пушкинского театрального фестиваля. В течение двух десятилетий Курбатов был участником лаборатории, объединившей пушкинистов, театроведов, режиссеров, актеров и зрителей в познании театра Пушкина [Играем Пушкина]. Ссылаясь на парадоксальное суждение П.Н. Фоменко, что «Пушкин делает нас взрослее и моложе», Курбатов добавляет: «чем мы мудрее с Пушкиным, тем мы и правда моложе и тем свободнее» [Курбатов 2014: 178]. И потому не печалится, что энергетику святого места «вывозят беспощадно с особенным размахом»: «Пусть везут. Не жалко. Глядишь, однажды увидят в своей внутренней тьме не отвлеченную “энергетику”, а золотой пушкинский свет и поймут, что они тоже только участники дрящегося, счастливого, молодого пушкинского театра, занавес которого не закрывается здесь вот уже скоро двести лет» [Курбатов 2014: 184].

Земля эта, убежден критик, цельностью отмеченная и потому каждодневно необходимая русскому человеку для спасения от раздвоенности и дробности. «Какое счастье подарил нам Пушкин за краткое с ним изгнанническое землячество, не поминая зла за лучшие, как оказалось, два года своей жизни в Михайловском!» [Курбатов 2014: 215] Отсюда поэт желал вырваться и одновременно благословлял каждый прожитый здесь день.

Таким образом, статьи и заметки Курбатова на пушкинскую тему, создававшиеся в эпоху кризиса самоидентификации, заключают в себе курбатовский миф о национальном поэте. Как Пушкин выступает для него мерилем цельности и полноты, так и Михайловское мыслится местом открытия полноты русской жизни и одновременно укора современ-

никам в оторванности от России, ее истории и культуры. Критическая рефлексия автора обусловлена установками философско-религиозных интерпретаций национального поэта в XIX–XX вв. и одновременно – поиском самоидентичности нашего современника. Работы Курбатова отражают богатство и неповторимость его творческой личности, внутренние искания, заботу и тревогу о духовном состоянии России, напоминают читателю о вечных ценностных координатах.

Список литературы

Источники

Будылин И.Т. Золотая точка России. Пушкинский край. Основные события и даты. 2-е изд., доп. Москва: МЦНТИ, 1996. 112 с.

Будылин И.Т. Лето в Михайловском. Святогорские повести и рассказы. Санкт-Петербург: Изд-во «Европейский Дом», 2015. 244 с.

Гейченко С.С. У Лукоморья. Пушкин. Михайловское: Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. Санкт-Петербург: [б. и.], 2013. 472 с.

Довлатов С.Д. Заповедник // Довлатов С.Д. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Лимбус-Пресс, 1993. С. 325–415.

Играем Пушкина. Пушкинские театральные фестивали, творческие лаборатории, научные конференции 1994–2001. Санкт-Петербург: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2001. 511 с.

Куранов Ю.Н. Сердце ключей. Короткие рассказы, эссе, миниатюры. Москва: Советский писатель, 1977. 326 с.

Курбатов В.Я. Домовой. Семен Степанович Гейченко: письма и разговоры. Псков: Областная тип., 2013. 112 с.

Курбатов В.Я. Пушкин на каждый день. Псков: Областная тип., 2014. 480 с.

Курбатов В.Я. Незабвенный угол // Алтаев Ал. Гдовщина. Забытый угол. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2020. С. 5–9.

Курбатов В.Я. Пушкин на каждый день. Москва: Красный пароход, 2022. 400 с.

Паустовский К.Г. Михайловские рощи // Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. Москва: Худож. лит., 1983. С. 161–168.

Исследования

Гидиринский В.И. Творчество Пушкина в интерпретации русских религиозных мыслителей в контексте проблемы взаимоотношения философии, литературы и религии в русской культуре // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2012. Вып. 6 (44). С. 43–53.

Говорухина Ю.А. Метод современной литературной критики // Вестник Томского университета. Сер.: Филология. 2010. № 333. С. 10–16.

Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. Ленинград: Лениздат, 1989. 446 с.

Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество. Москва: Наука, 1982. 208 с.

Непомнящий В.С. Пушкин. Русская картина мира. Москва: Наследие, 1999. 543 с.

Разумовская А.Г. Пушкин как культурный герой «псковского текста» // Разумовская А.Г. «Город на горах»: мифология Пскова в литературе: монография. Псков: ООО «ЛОГОС», 2021. С. 172–192.

Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты: кол. монография / отв. ред. Н.Л. Вершинина. Псков: ООО «ЛОГОС», 2015. 262 с.

Сергеева-Клятис А. Повседневная жизнь Пушкиногорья: сельцо Михайловское и его обитатели. От Александра Сергеевича до Семена Степановича. Москва: Молодая гвардия, 2018. 336 с.

Сергуnenков Б.Н. Прогулки к Пушкину пешком и на велосипеде // Сергуnenков Б.Н. Три ключа. Санкт-Петербург: Изд-во писателей «Дума», 2011. 356 с.

References

Gidirinskii V.I. *Tvorchestvo Pushkina v interpretatsii russkikh religioznykh myslitelei v kontekste problemy vzaimootnosheniia filosofii, literatury i religii v russkoi kul'ture* [Pushkin's Works in the Interpretation of Russian Religious Thinkers in the Context of the Problem of the Relationship between Philosophy, Literature, and Religion in Russian Culture]. *Vestnik Pravoslavnogo Svято-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 1: Bogoslovie. Filosofii. Religiovedenie* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Ser. 1: Theology. Philosophy. Religious Studies], 2012, vol. 6 (44), pp. 43-53. (In Russ.)

Govorukhina Iu.A. *Metod sovremennoi literaturnoi kritiki* [Method of Contemporary Literary Criticism]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Ser.: Filologiya* [Bulletin of Tomsk University. Philology], 2010, No. 333, pp. 10-16. (In Russ.)

Gordin A.M. *Pushkin v Mikhailovskom* [Pushkin in Mikhailovskoye]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989, 446 p. (In Russ.)

Maimin E.A. *Pushkin. Zhizn' i tvorchestvo* [Pushkin. Life and Work]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 208 p. (In Russ.)

Nepomniashchii V.S. *Pushkin. Russkaia kartina mira* [Pushkin. Russian Picture of the World]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, 543 p. (In Russ.)

Razumovskaia A.G. *Pushkin kak kul'turnyi geroi "pskovskogo teksta"* [Pushkin as a cultural hero of the "Pskov text"]. *Razumovskaia A.G. "Gorod na gorakh"*:

mifologiya Pskova v literature [Razumovskaya A.G. "City on the mountains": the mythology of Pskov in literature]. Pskov, OOO "LOGOS" Publ., 2021, pp. 172-192. (In Russ.)

Russkaia usad'ba: regional'nye i obshchekul'turnye aspekty [Russian estate: regional and general cultural aspects]: collective monograph, ed. by N.L. Vershinina. Pskov, LOGOS Publ., 2015, 262 p. (In Russ.)

Sergeeva-Kliatis A. *Povsednevnaia zhizn' Pushkinogor'ia: sel'tso Mikhailovskoe i ego obitateli. Ot Aleksandra Sergeevicha do Semena Stepanovicha* [Everyday life of Pushkinogorye: the village of Mikhailovskoye and its inhabitants. From Alexander Sergeevich to Semyon

Stepanovich]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2018, 336 p. (In Russ.)

Sergunenko V.N. *Progulki k Pushkinu peshkom i na velosipede* [Walking and cycling tours to Pushkin]. Sergunenko V.N. *Tri kliucha* [Three keys]. St. Petersburg Duma Publ., 2011, 356 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.